

ДВЕ РУКОПИСИ В.И. ГРИГОРОВИЧА: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО-СЛАВИСТА

© 2018 г. П.В. Георгиев

*Канд. ист. наук, ведущий библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: georgiev.pawel@yandex.ru*

В статье представлены документы, связанные с научной деятельностью В.И. Григоровича, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Особое внимание уделено «Отчету о занятиях историей славянских литератур», представленному попечителю казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину и «Тетрадь черновых записей Григоровича». Впервые предпринята попытка детального описания содержания данных источников.

The article presents documents related to research activities of Victor Grigorovich stored in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of the Lobachevsky Kazan Federal University. Particular attention is paid to the «Report on the studies of the history of Slavic literatures», submitted to the director of Kazan educational district, Mikhail Musin-Pushkin, and the «Notebook of draft notes made by Grigorovich». The first attempt of a detailed description of the content of the data sources is made.

Ключевые слова: В.И. Григорович, славянская литература, славянское языкознание, Казанский университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского.

Keywords: Victor Grigorovich, Slavic literature, Slavic linguistics, Kazan University, Lobachevsky Scientific library

DOI: 10.31857/S0869544X0001769-8

В апреле 2015 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Виктора Ивановича Григоровича, одного из основателей русского славяноведения, филолога-слависта, профессора Казанского, Московского, Новороссийского университетов. Одним из самых значительных периодов научной деятельности В.И. Григоровича по праву можно назвать казанский период. В Казанском университете В.И. Григорович занимал должность профессора кафедры истории и литературы славянских наречий. Здесь им была защищена магистерская диссертация «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах». В 1844–1847 гг. В.И. Григорович совершил научную

командировку по славянским землям, которая имела большое значение в развитии научных связей, содействовала становлению молодой русской славистики, укрепила общеславянские культурные связи. Григоровичу посвящено множество статей и монографий, однако в биографии ученого-слависта еще немало пробелов и загадок. До сих пор спорными являются суждения о том, был ли Григорович сторонником идеи панславизма, каким политическим взглядам он сочувствовал, не выясненными остаются множество эпизодов биографического характера.

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (далее ОРРК) несколько единиц хранения имеют отношение к научной и педагогической деятельности ученого [1. С. 135–140]. Но особый интерес представляют две рукописи Григоровича: «Отчет о занятиях историей славянских литератур» 1839 года и «Тетрадь черновых записей Григоровича», датированная серединой 50-х годов XIX в.

История появления первой рукописи такова. В апреле 1839 г. Григорович прибыл в Казань. Готовясь к открытию кафедры славянских наречий в Казанском университете и кандидатскому экзамену, Григорович должен был каждые четыре месяца отчитываться о своих занятиях попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину и факультету [2. С. 12].

Одним из таких документов и является «Отчет о занятиях историей славянских литератур» 1839 г. (далее «Отчет»). Таких отчетов, согласно сообщению М.П. Петровского, ученика Григоровича и его биографа, было три. В первом отчете Григорович исследовал вопрос о церковнославянском языке. Во втором отчете речь шла о том, какие наречия должны быть предметом изучения в литературном отношении.

Наконец, в третьем отчете Григорович дал обзор развития славянской литературы и высказал взгляды на ход и направление просвещения у славян [2. С. 12]. Данный отчет и сохранился в ОРРК. В историографии не раз высказывались различные мысли о путях формирования исторических и научных взглядов Григоровича [3. С. 53]. В связи с этим анализ «Отчета» может служить важным источником для выяснения этого вопроса. Замечу, что именно в «Отчете» Григорович впервые высказал мысли, ставшие затем определяющими в его научном мировоззрении. «Отчет» послужил основой для магистерской диссертации ученого «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» 1842 г. Григорович определил эти основные положения как необходимость «открыть историю славянской Европы, показать значение славян для мировой истории, показать, что умственная, литературная жизнь славян имела свои особенности, но не уступала западноевропейской» [4. Л. 129об.–130]. Весьма характерны в этом отношении и следующие слова Григоровича, которые можно найти в рукописи: «Мы привыкли глядеть на себя в отражении чужеземных народов [...] мы слишком покорно повинемся указаниям иностранных взглядов, забываем свое и не видим у себя [...] великих идей, истекающих из славянской вековой жизни» [4. Л. 129об.].

А.А. Котляревский видел в магистерской диссертации Григоровича «первое ученое сочинение в России о славянской литературе с точки зрения славянской взаимности» [5. С. 765]. Другой крупнейший исследова-

тель Григоровича, известный византист академик Ф.И. Успенский, говоря о той же диссертации, отметил, что впервые «история и литература рассматриваются здесь в связи с политическими судьбами народа и что славянская история и литература выдвигается, как стадия общеевропейского умственного и политического развития» [6. С. 5].¹

Исходя из того, что именно «Отчет» послужил основой магистерской диссертации В.И. Григоровича, нужно отметить, что эта рукопись является ценным источником по формированию научных и мировоззренческих взглядов ученого и своеобразной программой, отправной точкой его дальнейшей научной деятельности.

Особый интерес представляет также так называемая тетрадь черновых записей (далее «Тетрадь»), представляющая из себя рукописные записи В.И. Григоровича на 292-х листах, содержащая различные выписки, переводы, конспекты, высказывания философов, мысли и размышления самого автора².

Как историографический источник она нигде не упоминалась до середины 60-х годов прошлого века, пока А.В. Сергеев, занимавшийся в советское время исследованием научной деятельности Григоровича, не ввел ее в научный оборот. На мой взгляд, этот источник незаслуженно обойден вниманием в научной литературе о Григоровиче. Как справедливо отметил Сергеев, «ником не исследованная и не упоминаемая рукопись» имеет «первостепенную важность для выяснения мировоззрения, а также лингвистических и исторических взглядов ученого» [9. С. 29]. Сергеев не сделал данную рукопись предметом специального исследования. На мой взгляд, некоторые черновые записи рукописи могут стимулировать поиски новых направлений в научной и творческой судьбе слависта и весьма существенно дополнить интеллектуальную биографию Григоровича. Он, судя по воспоминаниям современников, неохотно высказывал свои философские и политические взгляды или же делал это в такой форме, будто бы он желал, чтобы никто из его слушателей не понял его собственного мнения. А. Смирнов, составивший его конспекты лекций, отметил: «Виктор Иванович был слишком осторожен, когда писал или говорил для печати; иногда он свои суждения и мнения выражал так, что их можно было толковать и в ту, и в другую сторону» [10. С. 1]. В этом случае черновые записи Григоровича могут служить своего рода косвенным источником философских и мировоззренческих взглядов слависта. Особый интерес вызывает тот факт, что эти записи не предназначались для печати или для чтения другими лицами. По выпискам, конспектам и другим записям можно определить те темы, которые в наибольшей степени волновали и интересовали ученого-слависта. Это, конечно, не дневник, и не запись

¹Под влиянием Успенского в историографии сложилось мнение о том, что научные идеи о славянской взаимности возникли у Григоровича после 1840 г., во время его пребывания в Риме. На самом же деле видно, что именно «Отчет» 1839 г. можно считать отправной точкой в славяноведческих построениях Григоровича.

²В рукописи имеется экслибрис «Из книг Платона Заринского». Заринский Платон Георгиевич (1830–1881) — казанский священник, краевед. Был одним из членов-учредителей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, собирал материалы по истории Казани и Казанского края. В 1878 г. получил премию графа Уварова Академии наук за сочинение «Очерки древней Казани, преимущественно XVI века» [7. С. 420; 8. С. 15].

мыслей автора, но своеобразный кладёзь тем и идей, интересовавших Григоровича. И в этом смысле этот источник заслуживает большого внимания и нуждается в дополнительном изучении.

Начну с того, что в рукописи имеются записи, помеченные как «Нравственные мысли Диогена» и просто «Мысли», представляющие собой цитаты из работ Канта, Лейбница и др. Можно предположить, что эти выписки Григорович сделал не случайно и что они были созвучны душе ученого. Например, обращают на себя следующие высказывания, законспектированные Григоровичем: «С вельможами обходишь так как с огнем, не подходи слишком близко и не отходи слишком далеко», «Торжество над самим собой есть совершенство всей философии», «Крайняя глупость заключается в том, чтобы обучать добродетели, хвалить ее, а не исполнять, что она повелевает» [11. Л. 48об.].

Григорович особо выделил высказывания Диогена как «нравственные». Не была ли близка философия киников самому Григоровичу? По воспоминаниям, постоянным спутником Григоровича была собака «Болванка», а в его руках «постоянно зимою и летом была толстая суковатая палка». Говорится и о злой иронии, которая была свойственна Григоровичу, о его пренебрежении к материальным сторонам жизни [12. С. 170–171, 172, 174; 13. С. 256–257]. Образ жизни слависта также был крайне прост. Григорович не создал семьи, известен его знаменитый автограф, где про себя он говорил: «И чуждый мирскому веселью, я мрачным аскетом сльву. И ем я с ученою целью, и с этой же целью живу» [14. С. 124]. В черновых записях Григоровича обращает на себя внимание конспект статьи J. Haime Dela Viehumaine из журнала «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров»). 1855 [11. Л. 51об.–65об.]. Конспект представляет собой статью некоего Жуля Хайме (1824–1856), французского натуралиста и геолога. Григорович, скорее всего, придавал большое значение данной статье, так как ее содержание, заключающее в себе мысль о том, что в мире нет ничего случайного и «всякое развитие, каждый феномен происходит по предназначенным законам» [11. Л. 65об.], соответствовало и его философским взглядам. Подтверждением тому служит эпиграф к магистерской диссертации Григоровича, в котором говорится, что «в истории нет ничего случайного, что все отдельные моменты развития находят себе причину и объяснение в предыдущих стадиях» [3. С. 53]. Ф.И. Успенский считал, что эти слова могут быть поставлены эпиграфом ко всему творчеству Григоровича [6. С. 5]. Внимание слависта к работе натуралиста и геолога говорит о широких интересах Григоровича и, возможно, о его своеобразном философском подходе к славяноведческим изысканиям в контексте геологического, а в большей степени космического процесса, обусловленного неким высшим замыслом.

Отмечу еще один спорный вопрос в биографии Григоровича, в изучении которого может пролить дополнительный свет рукопись, ставшая объектом изучения в данном исследовании. Этот вопрос касается того, какую роль в судьбе Григоровича сыграл некий анонимный дневник, найденный в его бумагах и приписываемый некоторыми исследователями самому Григоровичу. Дело в том, что в дореволюционной историографии о Григоровиче широкое распространение получило, как уже упоминалось выше,

мнение Ф.И. Успенского о том, что на научные взгляды Григоровича большое значение оказала его поездка в Рим в 1840 г. [6. С. 6–10]. Это мнение в дальнейшем имело большое влияние и стало основополагающим во многих работах о Григоровиче [3. С. 55]. Даже в таком авторитетном труде как «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» В.П. Бузескула находим: «В 1840–1841 г. Григорович был командирован за границу и посетил Рим» [15. С. 32]. Успенский пришел к выводу, что в Риме на Григоровича якобы снизошло что-то подобное откровению свыше, свершился нравственный перелом, открылась некая истина, повлиявшая на всю его дальнейшую деятельность. Эти выводы Успенский сделал на основании дневника, который он нашел бумагах Григоровича [6. С. 7]. В Риме автор дневника, по мнению Успенского, под влиянием размышлений о величии древнего Рима, проникся идеей национальности и всеобщности [6. С. 8]. Именно это внезапное озарение стало основой размышлений Григоровича о единстве славянских народов, о необходимости идеи панславизма, о некой исторической миссии славянства [6. С. 7–8]. Между тем, один из учеников Григоровича Н.Н. Булич, проанализировав соответствующую документацию, нигде не нашел ни одного официального документа подтверждавшего, что Григорович был в Риме [16. С. 895–900]. Булич считал, что автором использованной Успенским рукописи был профессор Московского университета В.Л. Печерин, а Григорович сделал из нее выписки, которые нашел Успенский и принял это за мысли самого Григоровича [3. С. 55].

В советской историографии Сергеев выдвинул иную версию. Он сопоставил данные документа с «Воспоминаниями» Ф.И. Буслаева, который был в Риме как раз в 1840–1841 гг., и предположил, что автором дневника был именно он. А Григорович во время кратковременного профессорства в Московском университете бывал частым гостем Буслаева и переписал понравившиеся ему места рукописи Буслаева [3. С. 55]. Так или иначе, но нет ни одного документа, который подтверждал бы версию Успенского о поездке Григоровича в Рим. Но это совсем не значит, что образ древнего Рима и идеи некоего озарения и откровения не оказали влияния на научные взгляды Григоровича. И Булич, и Сергеев заметили лишь, что Григорович не был в Риме лично, но они допускали, что он делал выписки из чужого дневника. А это значит, что Григорович, скорее всего, проявлял сочувствие к дневниковым записям, иначе зачем бы он стал делать выписки. Как мне кажется, в «Тетради» имеются записи, которые косвенно могут свидетельствовать об отношении Григоровича к идее некоего откровения и предопределения, ставшие предметом анонимных дневниковых записей, найденных в бумагах Григоровича. В этом смысле обращает на себя следующее: записи в «Тетради» начинаются заметкой о Константине Великом, где подчеркивается достоверность рассказов о знамении, виденном римским императором. В этой заметке Григорович отмечает следующее: «Некоторые полагают, что рассказы о знамении, виденном Константином Великим ни что иное как басня, выдуманная Евсевием, который повествует о нем или же самим Константином для достижения своей цели.

Другие признают это знамение за действие события, не считая его чудом, но относя к естественным явлениям, каковые бывают нередко вокруг солнца. Мы со своей стороны заметим касательно этого знамения, то, что император твердо был убежден в том, что этим знамением Бог обращает его от многобожия и идолопоклонства к почитанию единого истинного Бога и что это знамение было одним из средств, которые употребляет Бог для обращения заблуждающегося человека на путь истины. Почитать это знамение за вымысел Евсевия или за вымысел Константина совершенно неосновательно и безрассудно» [11. Л. 1–10б.]. Далее в тетради черновых записей Григоровича следует заметка «О необходимости божественного откровения». Здесь развивается мысль о том, что божественное откровение может присутствовать и необходимо в жизни каждого человека [11. Л. 10б.–100б.].

Затем обращает на себя уже упомянутый конспект статьи Жуля Хаймео о человеческой жизни с его идеей некоего космического предопределения. Не случайно ли это? Нет ли здесь некоего смыслового единства, повествующего нам о тех переживаниях, которые волновали Григоровича и определяли в какой-то степени его психологический портрет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Георгиев П.В.* Архив В.И. Григоровича в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского // Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 2015.
2. *Петровский М.П.* Виктор Иванович Григорович в Казани. Библиографический очерк. СПб., 1892.
3. *Сергеев А.В.* Оценка научной деятельности В.И. Григоровича в буржуазной и марксистской историографии // Вопросы историографии всеобщей истории. Сб. статей. 1967. Вып. II.
4. Отчет о занятиях историей славянских литератур // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 5668.
5. *Кирпичников А.И.* В.И. Григорович и его значение в истории русской науки // Исторический вестник. 1892. Т. 50. № 12.
6. *Успенский Ф.И.* Воспоминания о В.И. Григоровиче. Одесса, 1890.
7. *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2.
8. Рукописные литературные сборники второй половины XIX века в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Казань, 1988.
9. *Сергеев А.В.* В.И. Григорович как историк славян: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1965.
10. *Смирнов А.* От издателя // Обзор славянских литератур. Лекции В. Ив. Григоровича, читанные им студентам IV курса Новороссийского университета в 1868/9 акад. году. Воронеж, 1880.
11. Тетрадь черновых записей Григоровича // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 1129.
12. *Корсаков Д.А.* Былое в жизни Казанского университета 1856–1860 гг.: из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: литературный сборник к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904.
13. *Успенский Ф.И.* О профессоре В.И. Григоровиче // Былое из университетской жизни: литературный сборник к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904.
14. *Сергеев А.В.* Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978.
15. *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. 1.
16. *Булич Н.Н.* Был ли В.И. Григорович в Риме в 1840–1841 г.? (По поводу «Воспоминаний» Ф.И. Успенского) // Вестник Европы. 1894. Т. 4.